

таем никакими точными данными о трудах, порученных Пико (Мирандолой. — А. К.) Михаилу Триволису (т. е. Максиму Греку. — А. К.)»¹³.

Чем же мы располагаем?

«Между тем из многих намеков, содержащихся в переписке Михаила, следует, что пребыванием у Мирандолы он был обязан своему знанию греческого. Фраза об «эллиномании» Пико знаменательна в этом отношении. Она дает понять, что эта страсть к греческому и есть причина доброжелательства и щедрости, которые были ему (Максиму. — А. К.) оказаны. «Надеюсь, — пишет Михаил, говоря о Пико, — что в дальнейшем я встречу еще больше благосклонности с его стороны, ведь он — поклонник всего греческого и очень щедр». Если принять во внимание разнообразные литературные труды Пико с 1498 по 1502 г., часть которых свидетельствует о выдающейся греческой образованности, можно не сомневаться, что Михаил был ему ценен той помощью, которую он оказывал в подготовке материалов для богословских и философских трудов или для необходимых переводов. Михаил занимался также дворцовой библиотекой и давал книжные заказы Альду Мануцию»¹⁴.

Вот и все данные о деятельности Михаила Триволиса как гуманиста, которые автор мог почерпнуть в найденных и приложенных им к книге документах.

Видимо, сам И. Денисов чувствовал шаткость позиции, которую он занимает, объявив Максима Грека гуманистом *par excellence*. Поэтому он вводит в свою теоретическую конструкцию понятие, которое должно спасти характеристику, данную им Максиму Греку. Он называет гуманизм Максима Грека «крещеным», «христианским гуманизмом». «Очевидно, — читаем у И. Денисова, — гуманизм греческого монаха это крещеный гуманизм («...l'humanisme du moine grec est un humanisme baptisé»). Он (Максим Грек. — А. К.) решительный противник неопаганизма своего времени, он открыто заявляет о своем полном расхождении с мирским эллинизмом. Но несмотря на это ясное отношение, мы видели, что его ум, как бы вопреки его воле, подвергся воздействию его первоначального эллинистического образования как в области формы, так и в области античной мудрости. Оно наложило неизгладимую печать на все, что он совершил. Максим бесспорно представляет собой образец того, что можно назвать христианским гуманистом»¹⁵.

Термин «христианский гуманизм», распространенный в западноевропейской историографии, не отличается определенностью содержания. Чаще всего им пользуются для обозначения деятельности тех религиозных идеологов, которые пытались сочетать принципы, выработанные гуманистами, с принципами христианской религии. По определению Де ла Тура, «гуманизм, сделавшись христианским, стал реформационным»¹⁶. В этом случае реформационные идеи рассматриваются как продукт влияния гуманизма на христианство.

Так, может быть, Максим Грек распространил идеологические принципы гуманизма на область религии и в этом смысле И. Денисов называет его «христианским гуманистом»? Может быть, гуманистическое перетолкование христианства составляет ядро религиозной доктрины Максима Грека? По-видимому, именно так и считает И. Денисов. Поэтому он подчеркивает связи Максима Грека со школой Марсилио Фичино, возро-

¹³ И. Денисов. Ук. соч., стр. 216—217.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, стр. 367.

¹⁶ P. Imbart de la Tour. Les origines de la Réforme, t. II. Paris, 1909, p. 397.